

Татьяна БОНЧ-ОСМОЛОВСКАЯ

Татьяна Бонч-Осмоловская родилась в 1963 году в Симферополе. Закончила Московский физико-технический институт и французский университетский колледж. Кандидат филологических наук (диссертация о творчестве Раймона Кено). Автор нескольких книг (проза, поэзия, переводы, исследования). Публиковалась в журналах «Новый мир», «НЛО», «Знамя», «Иностранная литература», «Урал» и др. Живет в Сиднее.

СЛУГА ГОСПОДИНА КОММЕРСОНА

Действующие лица:

Луи Антуан, капитан.

Франсуа, первый помощник.

Жан, слуга господина Коммерсона.

Автор, записывает за ними.

В начале действия Луи Антуан, Франсуа и Жан находятся в роскошной капитанской каюте, заставленной мешками, клетками, клубками ниток и лент. Они стоят по углам каюты, застыв как манекены. Долгое молчание, прерванное криком снаружи: «Земля!»

Вбегает Автор, продолжая кричать.

Автор. Земля!

Франсуа. Земля!

Жан (бросается к двери). Земля!

Луи Антуан садится за большой дубовый стол.

Франсуа. Стоит выйти на мостик?

Луи Антуан. До берега еще пара лиг. Присядьте, господа, успокойтесь. Мы должны обсудить нашу проблему. Нашу деликатную проблему.

Автор садится за маленький столик в углу, со стопками бумаги, открывает печатную машинку (можно заменить на ноутбук), записывает за ними.

Франсуа. Оружие сдать!

Жан возвращается к столу, кладет перед капитаном два пистолета.

Луи Антуан. Заряжены?

Жан. Разумеется.

Франсуа. Точно, заряжены. Эй, ты – сидеть! Руки перед собой.

Луи Антуан. Ну зачем вы так, Франсуа. В конце концов, это первое преступление...

Франсуа. Первое и категорически окончательное! За такие дела – вон с корабля!

Луи Антуан. Давайте разберемся. Мы здесь для этого собрались. Смотрите же, до сего момента у вас были прекрасные характеристики... Господин Коммерсон докладывал, вы трудились, как негр.

Автор подбегает, подсовывает бумаги Франсуа, возвращается к своему столику.

Франсуа. Хвалил (*перелистывает бумаги, читает*). Называл своей вьючной скотиной.

Луи Антуан. Не могу сказать, что имел честь часто встречать вас, наш незадачливый юный друг, но по моим наблюдениям, должен отдать вам должное, вы вели себя достойно на борту. С самой тщательной скромностью и аккуратностью.

Франсуа. Не по уставу это. Одновременно – прочь с корабля!

Луи Антуан. Давайте разберемся. Значит, вы – слуга и помощник господина Коммерсона.

Жан. Так точно.

Луи Антуан. В чем заключались ваши обязанности?

Жан. Мой господин страдал от качки и от язвы на ноге. Мои обязанности заключались в том, чтобы очищать ногу от гноя, промывать и прикладывать мази и компрессы. И подносить судно, когда ему было нехорошо. Это пока мы были в море.

Франсуа. А на островах?

Жан. На островах добывать образцы растений и животных, зарисовывать их и записывать в дневник наблюдений.

Франсуа. Господин Коммерсон хворал ногами и не принимал участия в полевых исследованиях, предоставив своему помощнику следить за здоровьем господина и выполнять вылазки на берег в одиночку. (*Перелистывает бумаги, читает.*) Среди снегов и ледяных пиков Магелланова пролива, неся с мужеством и достойной похвалы энергией требуемую экспедиции провизию, оружие и сумки с растениями, добытыми моим помощником лично в недостижимых для прочих чашобах...

Луи Антуан. Это весь список твоих услуг?

Жан. Нет.

Франсуа. Ага! Говори!

Жан. Еще он приказал мне выучить грамоту и классификацию растений.

Луи Антуан. В самом деле.

Франсуа. Господин Коммерсон в целом похвально отзывался о своем слуге. Он докладывал, вот: мой помощник выполняет все мои поручения, забираясь на самые высокие холмы и кручи, и возвращается, нагруженный образцами камней, раковин и растений, как вьючное животное.

Луи Антуан. А чем занимался господин Коммерсон, пока его помощник добывал образцы и зарисовывал чудовищ?

Франсуа. Господин Коммерсон страдал в каюте. Матросы докладывали, он стонал.

Луи Антуан. Так, так... А рисунки?

Франсуа. Пожалуйста. (*Отходит к углу, подбирает крупную папку, возвращается.*) Рисунки, выполненные помощником господина Коммерсона во время путешествия. Обезьяны, цветы, ещё цветы... ракушки... А, вот – цветущая лоза, которой господин Коммерсон дал ваше имя, капитан...

Луи Антуан. Весьма любезно с его стороны.

Франсуа. Вы в полной мере это заслужили, капитан. А, взгляните, еще рисунок: бобер...

Луи Антуан. Да какой же это бобер, у него клюв как у утки!

Франсуа. Так точно! И лапы! Вы посмотрите на эти когти! Безобразно, чудовищно! Безобразие, а не иллюстратор!

Жан. Такой был зверь. Господин Коммерсон подписал рисунок. Моё дело было описать его в дневнике путешествия.

Луи Антуан. И как же господин Коммерсон назвал это чудовище?

Жан. *Ornithorhynchus anatinus*. Оно совсем небольшое. И пугливое.

Луи Антуан. Так это вы выловили зверя?

Жан. Выловить не удалось. Мне посчастливилось разглядеть его тень в озере и после часов ожидания, дождавшись вечера, когда он вылез на берег, зарисовать в альбом наблюдений.

Луи Антуан. Действительно не то, чем кажется. Дитя ночи. Скрывается под водой, в темных заводях, выползает на берег в сумраке и во тьме. Маленькое, низенькое, держится поближе к земле. А когти какие острые!

Франсуа. На крысу похож.

Луи Антуан. Могу представить, какое замысловатое у него внутреннее устройство касательно производства потомства.

Автор (*с места, себе под нос, но они замолкают, когда он говорит*). Капитан ошибается. Ни один европеец не мог представить себе внутреннее устройство *Ornithorhynchus anatinus*, платипуса в просторечии.

Луи Антуан (*молча рассматривают рисунок*). Жаль. Жаль, что не изловили. Было бы чем утереть нос британцам, они такого вовек не увидят!

Жан. Мне очень жаль. Когда оно заметило мое присутствие на берегу, в тот же миг нырнуло в озеро.

Луи Антуан. Скрылось в толще мрачных вод. Других таких вы не видели?

Жан. До сего дня это был единственный случай, когда мне встретилось подобное существо.

Франсуа. Но как? Как тебе удавалось скрываться столько времени?

Жан. Я старалась.

Луи Антуан. Удивительно удачно старалась. Мы столько времени не могли разглядеть тебя. Если бы не пронизательность наших туземных друзей, бог знает, сколько бы еще ты таила свою сущность во тьме, в глубине таинственных омутов, скрывая, что ты не то, чем представлялась перед людьми.

Жан. Я не таилась во тьме. Или под водой, как вы говорите. Свой пол я прятала под просторной одеждой.

Франсуа. Но как? Как тебе удалось изображать из себя мужчину? На корабле? С двумя сотнями моряков? Почти полтора года?!

Жан. Я неприметного телосложения. Нечего замечать, не на что смотреть.

Луи Антуан. Маленькое, низенькое, держится поближе к земле. Но давайте по порядку (*делает знак Автору*). Как вас зовут? На самом деле. Ваше подлинное имя?

Жанна. Жанна Баррет.

Франсуа. Чудовище! Дата и место рождения.

Жанна. 27 июля 1740 года, Ла Комель, Бургундия.

Франсуа. В законном браке? Или мать в подоле принесла?

Жанна. В законном браке. Сирота. Утратила наследство в ходе судебного разбирательства. Осталась в одном платье.

Франсуа. И то мужском?

Жанна. И то мужском.

Луи Антуан. Как вы оказались на корабле?

Жанна. Была холодная, ветреная декабрьская ночь. Я брела по улице в своей единственной одежде, дрожа от голода и холода. Сама не знаю как, я оказалась на причале, где обнаружила себя смотрящей в толщу вод и размышляющей о своей жалкой жизни. В этот момент господин ученый спросил, хочу ли я отправиться с ним за море. Добрый господин сказал, ему нужен слуга и помощник, так как он слаб здоровьем, а работа предстоит тяжёлая.

Франсуа. И ты согласилась? Отправиться с незнакомцем за море, едва увидела его? Как только он позвал тебя? Ты не просто женщина, ты – дурная женщина!

Луи Антуан. Должен заметить, вы поступили весьма опрометчиво, дорогуша, отозвавшись на зов случайного господина. Вы не опасались вреда, который он мог бы нанести вашей добродетели?

Жанна. Он позвал, я отозвалась. Господин Коммерсон предложил жалование и кров. Я согласилась на службу. Служить господину не преступление. Я раньше была в услужении у одного женеvского господина, никто меня не наказывал.

Франсуа. И что случилось с этим господином?

Жанна. Он сделался писателем и уехал в Париж.

Луи Антуан. А вас нанял господин Коммерсон, на причале, непосредственно перед отплытием в кругосветную экспедицию? Один из вас определенно поступил безрассудно.

Франсуа (*обращается к Луи Антуану*). Господину Коммерсону было выделено две тысячи ливров из государственных фондов на найм слуги и помощника иллюстратора.

Луи Антуан. И он нанял это дитя ночи, возникшее перед ним в сумраке причала, словно бы вынырнув из бездны вод. Она очаровала его своей песней, ночная сирена. Неудивительно, что она предстала не тем, кем казалась. Создание многих, многих талантов... (*обращается к Жанне*) Когда ты научилась рисовать, дорогуша?

Жанна. Господин Коммерсон обучил меня во время путешествия.

Луи Антуан. Господин Коммерсон талантливый учитель. По возвращению в Париж мне стоит нанять его учителем рисования. Для моих детей (*закрывает папку*). Значит, вы утверждаете, милочка, что стали слугой господина Коммерсона, не уведомив его о своей женской сущности?

Жанна. Точно так. Не уведомила.

Франсуа. И он сам не догадался? Ты же жила с ним в одной каюте?

Жанна. Я старалась. Я скрывала свой пол под просторной одеждой.

Франсуа. А почему ты не ночевала в общей каюте или на палубе, в гамаках, со всей командой?

Жанна. Господин капитан уступил свою каюту господину Коммерсону, когда тот начал страдать от качки, сразу после отправления, и я перенесла его багаж, препараты и инструменты. И сама осталась рядом, ухаживать за господином Коммерсоном и его препаратами.

Франсуа. Удачно получилось! Ночлег и туалет в личное распоряжение! Неплохо для слуги, когда более высокие персоны ходят в галюн.

Жанна хочет что-то ответить, но смолкает.

Луи Антуан. Я все же не понимаю. Простите меня, мадам, я задам неделикатный вопрос. Я понимаю, вы скрывали особенности фигуры. Но что вы делали, когда вас призывала Селена? Или, говоря простыми словами, как вы скрывали ваши женские дела от многих слуг и матросов? У вас были женские дела?

Жанна. Вы имеете в виду регулы? Были пару месяцев, потом прекратились.

Луи Антуан. В связи с чем?

Жанна. В связи с беременностью.

Луи Антуан. Час от часу не легче! Вы были в тяжести на корабле? На моем корабле? Вы родили дитя? Как?! Когда?!

Жанна. Не родила. Выкинула на пятом месяце. Не доносила.

Франсуа. Ты убийца! Детоубийца! Чудовище! Именем короля я заключаю тебя под стражу...

Жанна. Плод погиб естественным путем, я не травила его.

Франсуа. Судье расскажешь, судья разберётся.

Луи Антуан. Дорогой Франсуа, мы имеем слова мадам Баррет о ее бывшей супоросности вместе с ее же словами о прекращении тягостного состояния. Следы данного преступления, если оно было совершено, так же стерты в теле женщины, как следы птицы в небе и рыбы в море. Ни она, ни вы, никто не сможет ничего доказать судье. Мы не станем усложнять наше разбирательство. (*Автору*) Не упоминайте беременности при составлении отчета. (*Жанне*) Но мне не ясно, милочка, как вам удавалось скрывать ваше состояние, когда вы были в тягости, вы говорите, до пятого месяца? Вам не следовало отдыхать в это время? Я припоминаю мою жену, ее страдания во время ожидания дитя... Никто в моем доме тех месяцев не забудет!

Жанна. Я тонкого телосложения, неприметного, ничего не было видно.

Луи Антуан. И вы продолжали исполнять свои обязанности?

Жанна. Разумеется.

Луи Антуан. Но когда случилось трагическое происшествие, завершившее... Врач, священник... Вы раскрыли свое положение кому-либо из этих господ?

Жанна. Господин Коммерсон обладает всеми необходимыми медицинскими познаниями, он наблюдал мое состояние.

Луи Антуан. Наблюдал ваше состояние... Но вы не могли участвовать в экспедициях на острова, не могли карабкаться по скалам и деревьям, какого бы телосложения вы ни были, пока... когда... ваше состояние... оно прервалось...

Жанна. Я посвятила эти дни составлению каталога найденных мною растений и животных.

Франсуа показывает Луи Антуану увесистый альбом. Это, очевидно, упомянутый Жанной каталог.

Луи Антуан. *(пролистывает).* Так, Маврикий, Таити... Стало быть, прискорбное происшествие случилось около года назад. А затем?

Жанна смотрит на него вопросительно.

Луи Антуан. Ваши регулы? Селена вновь призывала вас? Луна закатывалась регулярно?

Жанна. После выкидыша мои регулы не восстановились.

Франсуа. У нас цинга началась на корабле. Двадцать случаев. Цинга, дизентерия, малярия... Четыре месяца на одном соленом мясе и ограниченном рационе воды и рома. Если кто не болел, по меньшей мере был ослаблен и угнетен, едва по палубе ползал.

Луи Антуан. Что ж, здесь вам повезло. Вам не нужно было скрывать регулы по причине их отсутствия. А матросам было не до вас вследствие ослабленного состояния тел. Двести человек... И никто ничего не заподозрил?

Франсуа. Слухи-то ходили. У него... у нее, видите ли, борода не растет.

Луи Антуан. Действительно. Отсутствие бороды не скроешь просторными одеждами. И что же наши доблестные люди? Они задавались вопросами?

Франсуа. Они роптали. Мой слуга упоминал мне, подозрительный, сказал, нежный голосок и тонкие ручки у слуги господина Коммерсона. Я, разумеется, поставил его на место. Но слуги есть слуги, капитан. Акулами кружили вокруг него. То есть, нее.

Луи Антуан. И что он? То есть, что мадам Баррет?

Франсуа. Огрызался. Задирался. Говорил, что евнух. По несчастливому стечению обстоятельств – мамка уронила оконную раму, аккуратно на, значит, детский органчик.

Жанна. Я говорила им, мой пол был создан случайно, как у тех мужчин, которых великие султаны делают хранителями своих сералей.

Луи Антуан. И они верили?

Франсуа. Так он в драку лез, разбойник. Задирает всех, кто к нему по поводу бороды и ручек подходил. То есть, она.

Луи Антуан. Применялись ли к ней дисциплинарные наказания?

Франсуа. Никак нет, к чужому-то слуге. Это ведь помощник господина Коммерсона. Прямых увечий матросам и прочим слугам он не наносил, так, мелкие драки, ссадины, царапины. Какое-то шипение продолжалось, но, в самом деле, цинга, усталость, болезни...

Луи Антуан. Никто более покров стыдливости не срывал, так сказать. Но туземцы не знают стыдливости...

Франсуа. Так точно. Дикари ее сразу распознали. Сначала... помните Ахутору? Который привел туземных баб на корабль. Его еще оставили как гостя, пока мы чинились и заправлялись. Он подарки получал, довольствие по офицерской рангу. Так этот Ахутору через пару дней после прибытия на корабль принялся рыскать повсюду, себе женщину искал. И стал принюхиваться к господину, то есть мадам Баррет. Но я уверил его, на корабле ему женщин не найти. А господин Коммерсон отогнал от своего слуги, объяснив, что тот – маху, евнух на туземном наречии.

Луи Антуан. Должен вас поправить, дорогой коллега. По моему наблюдению, а я ведь множество раз был в лагере дикарей, имя маху туземцы используют не для евнухов, каковых в их

племени не было замечено, но для мужчин, по своей воле остающихся в женском лагере и исполняющих женские обязанности и по достижению возраста, когда другие мальчики наносят себе на грудь шрамы и отправляются на охоту с прочими мужчинами. Это деликатный вопрос, дорогой друг. Но я предполагаю, феномен маху является проявлением скорее морального, нежели физического отклонения. Однако туземцы, по всей видимости, не порицают такого рода поведение. Я сам наблюдал, как маху участвовали в ритуальном танце и пиршестве в кругу прочих туземцев, не за его пределами, как можно было бы ожидать в нашем просвещенном обществе.

Франсуа. Дикари.

Луи Антуан. Благородные дикари. Я описал этот случай в отчете, приготовленном для достопочтимой академии. Мы обсудим его на ближайшем заседании ученых мужей по завершению нашего путешествия.

Франсуа. Благодарю за уточнение, капитан. Все понятно: маху не евнухи, маху – пидоры. Никогда бы не подумал! Вот что значит человек науки – раз, и разглядел! Возвращаясь к нашим, так сказать, баранам, в итоге Ахутору от него отстал, разве что усаживался рядом, когда та припудривала волосы. Но на другой день, когда господин... мадам Баррет спустилась на берег и углубилась в лес с корзиной, приуроченной для сбора местных корней и шишек, мы услышали крики туземцев. Матросы бросились на звуки и обнаружили госпожу Баррет, окруженную дикарями со шрамами через грудь и дикарками с раскрашенными лицами. Ор стоял, что на птичьем базаре: вахине! вахине! Баба, значит. Раскрыли ее пол, сорвали, так сказать, покров. Когда на поляну прибежали моряки, дикари уже полностью разоблачили ее, до последней тряпки, предъявили ее пол на всеобщее обозрение. Наши люди застали тот момент, когда дикари подхватили мадам, обнаженную, только повязка волочилась, она, видите ли, повязку завязывала поперек груди, для плоскости стана, а туземцы разоблачили все и волокли в лагерь...

Луи Антуан. Дабы оказать почести сообразно обычаям племени... Это как они нам своих дев приводили?

Франсуа. Так точно, как нам на корабль приводили. И они ее тоже, взамен, стало быть, на поругание, значит, всем племенем.

Луи Антуан. Прискорбный случай!..

Франсуа. Данное происшествие завершилось благополучно. Матросам удалось возвратить госпожу Баррет на корабль. Двоих туземцев застрелили. Покой и порядок были восстановлены.

Луи Антуан. Но из-за этого досадного происшествия нам пришлось отплыть с острова. Покинуть сей гостеприимный остров, мадам! Едва мы насладились его плодами, в физическом и фигуральном смыслах. Едва мы заправили судно водой и фруктами, едва испытали его сладкие дары. Ваше преступление повторяет проступок вашей праматери Евы – из-за вас мы лишились блаженства и невинности райского сада.

Франсуа. Капитан... Мы можем возвратиться, если будет нужда. У нас достаточно оружия, чтобы перестрелять их всех. Дикари не представляют серьезной опасности.

Луи Антуан. Дорогой друг, вы забываете о цели нашей экспедиции. Мы отправились не наслаждаться прелестями дикарской жизни, но открывать новые земли, наносить на карту неведомые острова. Мы трудимся на благо Франции, исследователи и ученые, а не крестьяне, набрасывающиеся на тропические фрукты.

Франсуа. Так точно, прошу прощения. Впереди новые цели и острова.

Луи Антуан. Но теперь мы оказались перед задачей, перед непростой задачей – мы должны решить, что делать с нашей спутницей.

Франсуа. Высадить ее с корабля! Вон вахтенный кричит – «земля»! Остров впереди, там ее и оставим. Дадим сухарей, ром, ружье. Женщина на корабле – к беде! Сплошное несчастье.

Луи Франсуа. Позвольте, дорогой друг. Ведь до сих пор, пока мы не открыли, что мадам Баррет – женщина, экспедиция не страдала от недостатка удачи. Плавание проходило благополучно, насколько это возможно в данных широтах. Моряки не страдали выше обыкновенного. Мы совершили множество чудесных высадок на новые острова, провозглашая их собственностью великой Франции. Все это – с женщиной на борту, друг мой. До сих пор ее присутствие нам не вредило?

Франсуа. Так точно, капитан. Но теперь матросы ропщут. Одно дело, когда крыса сидит под полом и зубы свои наружу не показывает. Другое – когда она у всех на виду. Моряки волнуются. Я не смогу удержать в узде покорности двести человек в присутствии женщины на корабле. Они ее на ключья раздерут и горла друг дружке перережут!

Луи Антуан. Да полноте, друг мой. Кто перережет? Вы же сами говорите – цинга, малярия, дизентерия... Да им сил хватает едва на исполнение обязанностей, чисто воскресшие духи, на людей не похожи, куда им еще на женщин засматриваться!

Франсуа. Так точно, чисто звери. Пребывание на туземном острове несколько сгладило их настроение, но с момента отплытия дикость определенно пребывает.

Луи Антуан. Мы запаслись водой и фруктами, а моряки насладились туземными обычаями. Каждого приветствовали юные девственницы, каждый вкусил свою долю райского плода.

Франсуа. Но мы отбыли с острова. А крыса выбралась из подполья. Маленькое подлое существо, бродит по палубе, в глаза смотрит. Куда ни глянешь – крысиные зубы. Ребята волнуются.

Жанна. Я отобьюсь. У меня всегда с собой два заряженных пистолета.

Франсуа. Эти? *(указывает на пистолеты на столе капитана)* Вернуть ей?

Луи Антуан. Я полагаю, мы вернем их по завершению допроса.

Франсуа. Вернем и высадим. Я сам отвезу ее на шлюпке на берег.

Луи Антуан. Дорогой друг, согласитесь, одна женщина на корабле погоды не делает. Вряд ли ее пример будет заразительным. Какая достойная девушка последует вслед за мадам Баррет, в путешествие, полное стольких невзгод и трудностей. И ради чего? Ради верности своему господину! Должны ли мы с вами предположить, мадам Баррет, что вы последовали за господином Коммерсоном ради любви? Декабрьской ночью, под высокими звездами, вы полюбили его. Ах, мои милые друзья! Любовь, а не войны, не жалкое золото, не жажда мимолетной славы, только любовь двигает звездами и людскими сердцами. Вы усомнитесь, но и женщине присуща любовь, друг мой! Даже женщине! В древнем трактате о возвышенном приводятся строки, написанные женской рукой... прекрасные строки! Мнится мне, как боги, блажен тот и волен, кто с тобою сидит, кто видит близко и слышит лепет умильный уст нежных... Женщина смотрит на своего возлюбленного.

Франсуа. Возвышенно в высшей степени. Но прошу заметить, мы не в Элладе находимся, хоть вы и назвали один из обнаруженных островов греческим именем.

Луи Антуан *(вскакивает, ходит по каюте)*. Я дал ему имя Новая Кифера, остров Афродиты, по мягкости климата, красоте ландшафтов, плодородию почв, повсюду орошаемых реками и водопадами, виды которых внушают подлинное чувственное наслаждение. А каковы населяющие его девы! Сколь робки и невинны они были, когда предавали себя в руки офицеров моего корабля. В самом деле, обитателям этих островов присуща легкость нравов золотого века, а его девы в полной мере обладают естественной робостью, демонстрируя менее всего желания в том, чего они сами более всего жаждут.

Франсуа *(мрачно)*. Я припоминаю...

Луи Антуан. Ах, как дрожали эти целомудренные Коры, когда туземные старухи снимали с них одеяния, демонстрируя нам нежные прелести своих дочерей!

Франсуа *(читает)*. Я преподнес ей бусины искусственного жемчуга, украсив ими ее перламутровое ушко, и поцеловал в губы нежным поцелуем, который она в тот же миг с жаром возвратила мне. Моя отважная рука, ведомая любовью, проследовала к двум круглым плодам, соревнующимся друг с другом крепостью и спелостью, достойно тех, принадлежавших Елене, что стали образцом для прекрасных чаш, великолепных совершенством и изяществом форм. Моя рука вскоре соскользнула дальше и по счастливой случайности подпала под обаяние даров, что оставались спрятанными под тканью, тут же сброшенной самой девой, и все мы увидели ее словно бы как Еву перед падением. Она вытянулась на подстилке, ударяя в грудь нападающего на нее, предоставив себя в мое полное распоряжение, и отодвинула с пути последние препятствия, что заслоняли вход в храм, коему поклоняются столь многие.

Луи Антуан. Путевой дневник нашего дорогого герцога?

Франсуа. Разумеется.

Луи Антуан. Полагаю, он также сделается писателем и будет блистать в Париже. Однако насколько мне помнится, назойливое внимание племени смутило его. Когда дикари обступили их с юной нимфой, лежащей на циновке и притягивающей его к себе, племя ударяло в барабаны и подбадривало герцога криками. Кажется, ему так и не удалось сыграть требуемую от него роль.

Франсуа. Он останавливает рассказ на границе скромности.

Луи Антуан. Ах, какие девы! Вы говорите, цинга, болезни... Наши несчастные как сейчас у меня перед глазами. Их члены покрыты язвами, конечности сведены судорогами от тяжелого труда и пребывания на скудной диете. Но прекрасные островитянки послушно следуют приказам отцов и матерей и ложатся с ними, невзирая на язвы и раны! На самого уродливого, на наш испорченный взгляд, матроса находится достойная служительница Цирцеи, которая омывает, так сказать, его чресла. Будьте благословенны, берега Новой Киферы! Прощайте, счастливые и мудрые люди, оставайтесь всегда такими открытыми и веселыми, какими мы встретили вас. Я не забуду то краткое время, которое провел среди вас, и, пока буду жив, с улыбкой восторга буду вспоминать счастливую Утопию, очаровательную Новую Киферу! *(восторженно замолкает)*.

В паузу вступает Автор, себе под нос, но достаточно громко, чтобы его было слышно.

Автор. Отбив с острова после десятидневного там пребывания, капитан не мог знать, что его люди заразили сифилисом местных девушек, по приказанию старшейших племени разделивших ложе с моряками. Лечения на островах известно не было, и заболевшие туземки испытывали страшные муки, они гнили заживо, теряя волосы, ногти и плоть с костей. Оставленные богами и соплеменниками, они умирали в жалком одиночестве.

Луи Антуан *(поднимается с места)*. Я принял решение. Мадам Баррет, невольная жертва проказ шаловливого Эроса, останется на корабле под моей личной защитой. Будет бродить по холмам, собирать свои гербарии на благо науки, вооружившись луком, как Диана, и мудростью, как Минерва, опасаясь лишь хищных тварей, но не людей.

Франсуа. Капитан!

Жанна. Капитан!

Луи Антуан. Не благодарите меня, мадам, это долг офицера и благородного человека. Вы остаетесь на корабле, дитя мое! Ваша любовь толкала вас на самые высокие горы и в самые густые леса во исполнение приказов вашего любимого. Как Психея, следуя приказаниям Афродиты, вы шли на все, чтобы иметь возможность соединиться с возлюбленным. Возрадуйтесь! Пелена спала с наших глаз, отныне вы можете пребывать с ним под одним кровом днем и ночью, не опасаясь кривотолков.

Франсуа. Но мадам Баррет единственная женщина на корабле, наши матросы, кто-нибудь из наших матросов непременно...

Луи Антуан. Вы не сумеете исполнить свои обязанности и укротить недостойное поведение наших людей, буде оно проявится в присутствии дамы?

Франсуа. Капитан! Крысе не место на корабле. Хоть как ее назови. Маленькое, низенькое, коварное существо привлекает всеобщее внимание. Отравляет все. Или мы высаживаем ее, или она уничтожит дисциплину и нравы.

Луи Антуан. Я могу высадить вас. За неповиновение приказу. А мы отправимся дальше, к новым островам и нимфам. Мадам Баррет, вы остаетесь открыто на корабле как помощница и подруга господина Коммерсона. Служите ему столько же верно открыто, как вы служили тайно. *(Делает знак Автору, тот заканчивает записывать, выходит из-за стола, с поклоном подает листы капитану.)*.

Капитан встает, показывая конец встречи. Он может поклониться аудитории.

Жанна. Господин капитан, не нужно открыто. Тем более, любовь не при чем. Я отправилась с господином Коммерсоном не по зову любви.

Автор машет руками, пытаясь остановить ее.

Луи Антуан. Что вы? Что вы такое говорите, дитя мое! Не таитесь, не скрывайте своего сердца! Не слушайте Франсуа, это пока еще мой корабль. Никто вас не обидит на моем корабле. Более нет нужды стесняться и скрывать.

Жанна. Это был не зов сердца, но необходимость трудом собственных рук обеспечивать себе кров и стол. Я служила господину Коммерсону прежде, на берегу, и я последовала за ним в море. Но путешествие изменило меня.

Франсуа. Ты обманула нас, говоря, что познакомилась с ним у трапа корабля?

Луи Антуан. Тебя погнали в море голод и опасение лишиться господина?

Жанна. Когда он прибыл в Рошфор, я опасалась... *(задумывается)* тогда я опасалась утратить господина, которому служила не один год. Но путешествие изменило меня.

Луи Антуан *(ошарашенно)*. Ты знала господина Коммерсона до экспедиции?

Жанна. Я поступила в услужение господину Коммерсону после смерти его жены. Я родила ему ребенка, записанного в реестры со слов господина Коммерсона, без родителя. Господин Коммерсон приказал мне оставить малютку в уютном доме. Я послушалась своего господина.

Луи Антуан. Франсуа прав! Ты – не то, чем кажешься. Ты – чудовище. Маленькое, низкое, мерзкое существо. Дитя ночи, ты скрываешься в темных заводях, выползая на берег в сумраке и во тьме, для совершения зверств. Ты хуже крысы. Самое омерзительное на вид создание станет заботиться о потомстве, не выбросит его за порог.

Жанна. У меня не было своего порога, только приказание господина Коммерсона. Но путешествие изменило меня. Я ступала на новые земли. Я просыпалась каждое утро в новом месте, и открывая глаза, не знала, какое небо распахнет крылья над моей головой, какие волны будут нести меня. Я спрыгивала с борта корабля и ступала на золотой песок. Я слышала пение птиц и рычание чудовищ из чащ. Я ловила и рисовала невиданных тварей. Я забиралась на высочайшие деревья, озирая зеленый лес под ногами. Белые попугаи роняли перья мне в руки, юркие макаки собирали бананы и носили детенышей на спинах. Я прятала сладости внутри выдолбленной чаши, и макаки засовывали лапы внутрь и не могли вытащить наружу, а я хватала глупую тварь и засовывала в клетку, а потом несла клетку с прыгающей и верещащей скотиной всю дорогу вниз, до бухты, где спал на волнах корабль. Господин Коммерсон взял меня в экспедицию, но шла я сама.

Луи Антуан. Мы не можем оставить ее на корабле.

Жанна. Я не останусь на корабле. Я пойду сама.

Франсуа. Пистолеты ей вернуть?

Луи Антуан. А? Что? Пистолеты? Пусть забирает.

Автор *(отворачивается, выглядывает в иллюминатор)*. Земля!

Луи Антуан. Франсуа, бросаем якорь в бухте. Отвезите мадам на берег и немедленно возвращайтесь. Не будем подвергать опасности корабль и матросов. Прощайте, мадам! Убирайтесь в лес, в чащу, в заводи, под воду. Держитесь ближе к земле. Прощайте, чудовище.

Жанна. Благодарю вас, капитан. *(К Франсуа)* Если позволите, пистолеты.

Франсуа *(протягивает ей пистолеты)*. Как вам будет угодно. Пойдемте, я отвезу вас на берег и сообщу господину Коммерсону о решении капитана.

Подходят к двери и застывают, как манекены.

Луи Антуан *(встает из-за стола, подходит к карте)*. Она пропадет там. Какое замысловатое существо. Не то, чем казалась. Это происшествие тяжело отпечаталось на моем сердце. *(Застывает.)*

Автор *(подходит к капитану, снимает матросскую шапку, распуская длинные волосы)*. Я здесь оговорила капитана Луи Антуана де Бугенвиля. В действительности мадам Баррет осталась после допроса на корабле и сошла на берег Маврикия вместе с господином Коммерсоном только несколько месяцев спустя. Капитан Бугенвиль даже выхлопотал ей пенсию, когда после смерти господина Коммерсона она вернулась во Францию. Невиданный случай в Европе XVIII века, где за

пребывание женщины на корабле серьезно наказывали не только ее саму, но и ее покровителя. *(Подходит к Жанне).* Вероятно, подлинная Жанна Баррет поступила умнее моего персонажа и не поделилась с офицерами историей своего сожительства с господином Коммерсоном и своими мечтами об островах. Необыкновенное существо. Не то, чем представлялась. Неприметная, маленькая, одинокая. А когти какие острые! *(Берет Жанну за руку, вместе поднимают руки и кланяются зрителям.)*